

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Л. Ф. Баянова

В статье рассматривается начало формирования культурно-исторической концепции под влиянием традиций символизма в русской культуре начала XX в. В рамках символизма Л. С. Выготский определяет главный инструмент преобразования натуральной психики в культурную, где высшие функции формируются на основе низших посредством культурного знака. В статье приводятся точки зрения различных авторов относительно предпосылок возникновения культурно-исторической концепции.

Культурно-историческая концепция принадлежит к тем современным теориям, которые определяют методологию психологии, влияют на формирование экспериментальных и теоретических направлений в различных ее отраслях. В истории психологии сложилось множество истолкований предпосылок возникновения культурно-исторической теории [1]. Не ставя задач масштабного анализа творчества Л. С. Выготского, зададимся целью исторической реконструкции истоков зарождения культурологических мотивов в его творчестве и их связи с его психологическими исследованиями. Для того чтобы понять смысл создания культурно-исторической теории, на наш взгляд, надо ответить на два вопроса:

1. Почему Л. С. Выготский занялся психологией?
2. Как вводится Л. С. Выготским основополагающая категория культурного знака в его теорию?

Отвечая на первый, обратимся к его раннему литературному творчеству, связанному с символизмом. А. А. Леонтьев отмечает следующее: «Л. С. Выготский опубликовал две рецензии на роман Андрея Белого “Петербург”, рецензию на сборник Вячеслава Иванова, книгу Мережковского и даже сугубо литературоведческий разбор примечаний Н. Л. Бродского к поэме Тургенева “Поп”. Никакого намека на психологию! (Может быть, этих статей и рецензий было больше. Достоверно авторство только четырех. Впрочем, сам Выготский упоминает еще несколько своих статей – о новом театре, о Шекспире, о Ю. Айхенвальде)» [11, с. 14].

К. Кобрин приводит несколько иные данные о раннем литературном творчестве Выготского: «Первыми публикациями Выготского были пять публикаций, вышедших в 1916–1917 гг. в еврейском культурно-просветительском журнале «Новый путь» и в горьковской «Летописи». С того же времени Выготский пишет (и переписывает) свой реферат о Гамлете. Именно этот реферат лег в основу «Психологии искусства» (1925) – первой крупной работы Выготского. Собственно психология начинается у Выготского в 1924–1925 гг. – то есть когда автору было 28–29 лет!» [10, с. 211].

М. Г. Ярошевский считает, что психологией Выготский начал заниматься задолго до известной встречи его с А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьевым в 1924 г. Впрочем, есть автобиографические строки Льва Семеновича относительно данного вопроса: «Еще в университете занялся специальным изучением психологии... и продолжал его в течение всех лет» [11, с. 19]. Выяснение времени начала занятий Выготского психологией – отнюдь не удовлетворение праздного интереса. Ведь ранние работы Выготского были посвящены литературному символизму. Сочетание литературного творчества и психологии, особенно ее методологических проблем, породило, на наш взгляд, идею знака – основного конструкта его будущей теории. Именно увлечение символизмом позволило увидеть Выготскому погруженность человека в культуру. М. Г. Ярошевский видит нераздельное единство литературного и психологического в творчестве ученого и пишет, что «он плоть от плоти дитя русской культуры, а более конкретно – того ее века, который получил загадочное имя серебряного» [18, с. 113]. Именно романтика символизма породила прагматику научной психологической мысли, основанной на знаковой опосредованности человеческой психики. Символизму и литературе он не изменил: «До конца дней Л. С. Выготского трагедия Шекспира становится для него настольной книгой. С ней он ушел в больницу, откуда не вернулся» [Там же].

С. Тулмин также отмечает причастность Выготского к литературе на первых этапах его творческой биографии: «Выготский начинал не как психолог. Сразу же после революции 1917 г. он специализировался в МГУ как литературовед, и его первое исследование относилось к области литературной критики по «Гамлету» Шекспира, в результате чего получилась книга «Психология искусства». С этой подготовкой Выготский был скоро вовлечен в круг дискуссий в Московском институте психологии на тему о «социальном и культурном в структуре сознания» [15, с. 129].

Удивительным образом соединились у Выготского литература и психология, что позволило родиться идее знака как орудия психического. Причина тому не просто символизм как литературное течение, а русский символизм как историческое явление, как «гигантский общественно-культурный проект» [10],

и не просто проект, а проект преобразования и общественной жизни, и литературы, и самого человека: «Цель искусства для символистов – внесение гармонии в мир и, тем самым, его преображение... главным для русского символизма было преобразование человека, преобразование радикальное – вплоть до его биологии». Об этом написана книга Владимира Соловьева «Смысл любви» [Там же]. Обратимся к строкам одного из самых ярких русских символистов Андрея Белого: «Последняя цель культуры – пересоздание человечества, в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали» [2, с. 21].

В подтверждение причастности Выготского к «проектам» русского символизма звучат строки одной из самых значительных методологических работ Выготского, наполненные откровенной романтикой русского символизма: «У психологии будут свои гении и свои рядовые исследователи; но то, что возникнет из совместной работы поколений, гениев и простых мастеров науки, будет именно психологией. С этим именем войдет наша наука в новое общество, в преддверии которого она начинает оформляться... в новом обществе наша наука станет в центре жизни. «Прыжок из царства необходимости в царство свободы» неизбежно поставит на очередь вопрос об овладении нашим собственным существом, о подчинении его себе. В этом смысле прав Павлов, называя нашу науку последней наукой о самом человеке. Она действительно будет последней в исторический период человечества наукой или в предыстории человечества. Новое общество создаст нового человека. Когда говорят о переплавке человека, как о несомненной черте нового человечества, и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст себя сам...» [6, с. 436].

У М. Г. Ярошевского есть уточнения по поводу данного высказывания, усиливающие приверженность Выготского символистским настроениям того времени: «Л. С. Выготский в те годы даже отважился сказать: «сверхчеловек». Но меня при подготовке к изданию соответствующего тома его собрания сочинений цензура вынудила вычеркнуть из его рукописного текста этот «ницшеанский оборот» и заменить его на «новый человек» [19, с. 72]. В значительной степени формулируемый Кобриным вывод о символизме Выготского в широком, включающем и литературу, и психологию ключе становится небеспочвенным: «Выготский стал профессиональным психологом вовсе не потому, что разочаровался в эстетике или понял безнадежность психологического истолкования артефактов. Он просто захотел сменить позицию: позицию интерпретатора на позицию создателя. Только (что вполне в духе советских 20-х гг.) его артефактом должна была стать не книга, не симфония, а ...

новый человек». Задача чисто эстетическая, а способ? Конечно же, психология!» [10, с. 211].

Постлитературное творчество Выготского полностью посвящено психологии. С 1924 по 1934 гг. им было опубликовано более 180 работ! Нельзя игнорировать и следующую фразу Кобринина о том, что «преодоление Выготским символизма было ненастоящим, фиктивным: он преодолел литературную теорию символизма, но для русского символизма, как уже говорилось, литературная теория, даже литература не были «последними» вещами» [Там же, с. 12]. С этим трудно не согласиться, поскольку в самом начале презентации своей культурно-исторической теории Л. С. Выготский выдвинул тезис о том, что «ребенок в овладении собой (своим поведением) идет в общем тем же путем, что и в овладении внешней природой, т. е. извне. Человек овладевает собой как одной из сил природы, извне – при помощи особой культурной техники знаков» [11].

Итак, символизму Выготский обязан феноменом знака как внешнего, искусственного, культурного явления, «врастающего» в психику: «Символисты и Выготский явно вместе – там, где формообразующая Культура прессирует хаотическую Природу!» [10, с. 212]. Выготский построил не только культурно-историческую психологию, а «концепцию истории культуры как развития систем знаков, служащих для управления поведением» [7, с. 6]. Влияние символизма заключается в том, что культура стала рассматриваться как часть предмета исследования, что, в свою очередь, предотвратило выстраиваемую Выготским теорию от ухода в позитивизм, что подчеркивается в известной работе американского философа С. Тулмина «Моцарт в психологии» [15, с. 133].

С самого начала «Л. С. Выготский продвигался собственным путем, отличным от увлеченного З. Фрейдом А. Р. Лурия и вчерашнего «челпановца» А. Н. Леонтьева» [18, с. 112]. Принципиальным было то, что ко всему историческому контексту, пронизанному рефлексологией, Выготский отнесся однозначно: «Человек вовсе не кожаный мешок, наполненный рефлексамми, и мозг – не гостиница для случайно останавливающихся рядом условных рефлексов», – пишет он в 1926 г. [8, с. 170].

Наряду с символизмом важнейшим фактором, определившим методологию теории Выготского, стало влияние П. П. Блонского. Позиция Блонского заключается в его высказываниях о том, что поведение человека «не может быть иным, чем социальным» [4, с. 34], и что оно может быть понято, если сравнить «поведение человека с животным, взрослого с ребенком, культурного с диким» [3, с. 59]. Оба тезиса в творчестве Выготского четко удерживались как в теоретических, так и в экспериментальных его исследованиях. А. А. Леонтьев отмечает, что «с самого начала научно-психологическая деятельность

Выготского строилась как реализация программы Блонского. Здесь и сравнение поведения человека с животным, и сравнение современного человека и человека «первобытной» культуры, и исследование разного рода патологических отклонений поведения» [11, с. 21]. На фоне имеющихся условий развернувшегося противостояния рефлексологии, ориентация на предлагаемые П. П. Блонским тезисы была достаточно сложна, но тем не менее решена А. С. Выготским. В то время царила особая атмосфера в культуре: непопулярными были Шекспир и Достоевский, при этом почитаемыми кумирами – Ф. Ницше и А. Шопенгауэр. В психологической научной среде «учение о рефлексах и учение о сознании отстаивали – каждое – собственное достоинство, сохраняя свой категориальный строй и продвигаясь по собственной путевой карте. Безвестный гомельский учитель смело бросил главным научным светилам – В. М. Бехтереву и И. П. Павлову – обвинение в дуализме» [18, с. 112]. Однако Выготский появился в культурной среде не как маргинал, а как «дитя русской культуры, ее серебряного века» [18, с. 113].

Основополагающей категорией теории Выготского является знак. Особый интерес представляет факт введения знака в категориальный строй культурно-исторической концепции. Принципиально важно ответить на вопрос о том, как вводится А. С. Выготским основополагающая категория культурного знака в его теорию. Ответить на данный вопрос невероятно сложно, поскольку знак как ядро всей теории, безусловно, культурный феномен вводился Выготским удивительным образом. Относительно того, как строилась культурно-историческая теория у Выготского, есть откровенное высказывание, вероятно, адресованное его непосредственным ученикам, участвовавшим в трудном созидании: «Мне и до сих пор кажется удивительным то, что при данных обстоятельствах и неясности еще многих очертаний люди, выбирающие только дорогу, встали на этот путь» [11, с. 40]. У Выготского сложилась своя исследовательская программа, «качественная новизна которой определяется тем, что поведение регулируется знаками культуры» [18, с. 119]. Центральным понятием концепции А. С. Выготского стало понятие *знака*. Знак стал посредником между человеком и культурой, тем орудием, которое производит великое преобразование натурального в человеке в культурное: «В идее опосредствования – посредничества – медиации смыкаются культура, теоретический и экспериментальный миры психологии и подавляющее большинство психологических практик (независимо от того, осознают ли это сами практикующие психологи) ... сам акт опосредствования представляет собой тайну и вызов психологии, что, впрочем, не удивительно, ибо акты медиации суть акты творения субъективного мира человека» [5, с. 13].

Знак вводится Выготским бездоказательно, как *постулат*. В этом его гениальность, смелость, научная дерзость, выдержавшая испытание временем. По существу, это был постулат об объективной представленности культуры. Постулаты как недоказанные положения, отличающиеся самоочевидностью и принимаемые за исходные положения, используются во многих науках. Например, классическим является пятый постулат Евклида о том, что параллельные прямые не пересекаются. Это послужило основой для создания геометрии, известной как евклидова. Далее история науки развивалась таким образом, что данный постулат был подвергнут сомнению Н. И. Лобачевским. Великий математик обратил внимание на то, что абсолютно параллельные на экваторе прямые на полюсах пересекаются. На основе этого факта была создана геометрия Лобачевского. В физике известен постулат Нильса Бора, согласно которому электроны, вращающиеся вокруг ядра, должны бы излучать свет в соответствии с взглядами предшествующей науки, но на практике он не излучается. Это противоречие побудило Бора принять постулат в пользу практики: электроны в атомах находятся в особых состояниях – стационарах, в которых они не излучают свет. Этот недоказанный в момент принятия его постулат позже был научно подтвержден. Исходя из приведенных классических примеров из истории математики и физики отметим, что постулаты принимались как принципиальные допущения на основе самоочевидности какого-либо еще недоказанного факта. Как правило, постулаты вступали в противоречие с общепринятыми взглядами в рамках той или иной науки, что требовало от ученого личного мужества и убежденности в истинности своих взглядов. Например, непросто было отстоять постулаты теории относительности Альберту Эйнштейну, который подвергался откровенно ироничным оценкам своих современников. Непросто было и Л. С. Выготскому при создании культурно-исторической концепции, которая, по существу, зиждется на *постулате о культурной опосредованности психики*. По словам видного психолингвиста Р. М. Фрумкиной, «Выготский был прирожденным теоретиком», которому свойственны глобальные гипотезы и выводы, он писал «крупными мазками», и многие его выражения ближе к метафорам, нежели к строгим утверждениям» [16, с. 125].

М. Коул и С. Скрибнер в предисловии к книге «Разум в обществе», оглядываясь на позитивистские стандарты, не приемлющие постулирования, отмечают, как бы извиняясь за иную, далекую от привычных идеалов «научности», стилистику: «Ссылки Выготского на экспериментальные исследования, проводимые в его лаборатории, иногда оставляют некоторое чувство неловкости. Он почти не приводит никаких фактических экспериментальных данных, и его выводы очень общи. Где статистически обработанные

тесты, доказывающие, что приведенные наблюдения верны? Ученые, пользующиеся методами экспериментального подхода, должны вычеркнуть Выготского из числа тех, кто добывает факты путем эксперимента, и причислить его к тем, кто предсказывает, теоретически намечает перспективы развития науки» [15, с. 134].

При оценке научной биографии Л. С. Выготского предпочтения отдаются работам московского периода, в определенной мере умаляется роль «Психологии искусства» – фундаментальной работы, в которой родилась идея опосредствования. Д. Б. Эльконин пишет об этом следующее: «Разрабатывая свой подход к анализу художественных произведений, Выготский вместе с тем создал основы совершенно новой, я бы сказал, неклассической психологии, сущность которой состоит в следующем. Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования... Я называю это неклассическим подходом к психологии... Только вполне ориентируясь в сути такой психологии, можно по-настоящему понять и оценить подлинный вклад Л. С. Выготского в постановку и разработку проблем, связанных с ролью символа-знаковых систем в становлении человеческого сознания, с определением содержания и функций знаковых операций в этом процессе» [17, с. 477].

О знаках можно писать в самых разных контекстных и функциональных смыслах. Для психологии знак выступает, прежде всего, как орудие-средство. Роль знака в данном преобразовании натурального в культурное наиболее отчетливо выражена в тезисе о социальном происхождении высших психических функций: любая психическая функция существует первоначально «в себе», затем – «для других» и, наконец, – «для себя». Так, у Выготского можно найти пример того, как указательный жест ребенка превращается в орудие социального взаимодействия, когда ребенок просит взрослого, указывая на желаемый предмет [14, с. 143–144]. Е. В. Субботский пишет, что такой жест помогает ребенку структурировать картину мира, выделяя доминантный объект [Там же, с. 89]. Указательный жест в этот момент существует «для себя». Знак приобретает для ребенка опосредующую функцию, он становится средством взаимодействия, будучи вовне – представленным в культуре, а затем превращается в средство мышления, памяти, эмоций во внутреннем – индивидуальном плане психической организации человека. Выготскому удалось показать через знак факт культурного преобразования низших психических функций в высшие. По существу, знак позволяет «снять» противоречие между биологической и социальной приро-

дой человека, где *натуральное предполагает возможности, а культура предоставляет средства преобразования индивида в личность.*

Л. С. Выготский выстраивает историческую последовательность развития мыслей, имеющих внутреннюю согласованность и концептуальную завершенность в единой истории культурной психологии. Его учение о знаковой природе культуры позволяет увидеть достаточно четкий категориальный ряд, выделить онтогенетический (собственно психологический) аспект понимания культуры: культура – знак – человек. У М. К. Мамардашвили есть такие слова: «Человек есть существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается. Уже с самого начала мы имеем здесь, следовательно, разрыв, пропасть между культурой и человеком» [12, с. 9]. «Насыщение» этой «пропасти», ее преодоление – задача исключительно психологической науки, решаемая в рамках культурно-исторической концепции. Границы указанного категориального ряда – культура и человек – наиболее сложны в четком их определении. Относительно человека у С. А. Рубинштейна есть замечательная мысль: «Человек» как абсолют, как «вещь в себе», как нечто обособленное и замкнутое в себе – это не человек, это не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто несуществующее – ничто» [13, с. 348–349].

Относительно другой границы категориального ряда – культуры – есть мнение В. П. Зинченко: «Живую культуру определить невозможно» [9, с. 258]. Неопределимость феноменов человека и культуры в их разобщенности ведет к необходимости исследования области их сопричастности той области, которая и была предметом психологического анализа в культурно-исторической концепции. Понимание каждого элемента категориального ряда достигалось глубокими теоретическими и экспериментальными исследованиями в отечественной психологии XX в.

Логика отражения Выготским категориального ряда «человек – культура» в культурно-исторической концепции отмечена в следующем высказывании М. Г. Ярошевского: «От речевых рефлексов он перешел к речевым знакам, от них – к значениям этих знаков и их развитию в онтогенезе» [18, с. 113].

Культура как категория системы психологического знания может быть введена в данную науку наряду с ее основополагающими понятиями «сознание», «личность», «поведение» благодаря тому, как эта категория была оценена Выготским. В культурно-исторической теории культура есть система знаков, выступающих в качестве средств психического. Не случайно вначале Выготский называл свою теорию инструментальной психологией. Теория Выготского наделяет культуру целесообразностью и смыслом в той мере, в которой превышает психику Человека над бездной Природы: «Тот, кто погружается в сокровенный замысел культурно-исторической психологии, тот явно и неявно пе-

реходит от анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры. Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры» [7, с. 7].

Литература

1. Баянова Л. Ф. Лекции по истории психологии. – М. – Бирск, 2005. – 136 с.
2. Белый А. Символизм и философия культуры. – М., 1994. – 238 с.
3. Блонский П. П. Избранные психологические произведения. – М., 1964. – 412 с.
4. Блонский П. П. Реформа науки. – М., 1920. – 108 с.
5. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. – 1996. – № 6. – С. 25–40.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
7. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
8. Выготский Л. С. Методика рефлексологического и психологического исследования / Проблемы современной психологии. – Л., 1926. – 90 с.
9. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое знание. – Самара: Дом печати, 1998. – 296 с.
10. Кобрин К. Фабрика и ее работник. Л. С. Выготский и глобальные русские общественно-культурные проекты XX века // Звезда. – 2000. – № 3. – С. 208–219.
11. Леонтьев А. А. Л. С. Выготский. – М.: Просвещение, 1990. – 134 с.
12. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Лабиринт. – 1996. – 288 с.
13. Рубинштейн С. Л. Человек и мир (Отрывки из рукописи) / Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1969. – С. 348–374.
14. Субботский Е. В. Концепция Л. С. Выготского о высших и низших психических функциях и современные исследования познавательного развития в младенчестве // Вопросы психологии. – 1996. – № 6. – С. 88–92.
15. Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. – 1981. – № 10. – С. 127–137.

16. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

17. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 474 с.

18. Ярошевский М. Г. Когда Выготский и его школа появились в психологии // Вопросы психологии – 1996. – № 5. – С. 110–122.

19. Ярошевский М. Г. Дильтеева дихотомия и проблема переживания // Вопросы философии. – 1998. – № 1. – С. 70–79.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КОРРЕКЦИОННАЯ СРЕДА И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ БЛОКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

**В. Т. Волов,
В. В. Волов,
Н. Ю. Волова**

В статье представлены системный анализ психологических и дидактических факторов, воздействующих на процесс обучения в экстремальных условиях, и результаты исследования психоэмоциональных характеристик обучающихся в пенитенциарной системе. Выявлены общие тенденции в перцептивной системе и системе психологических защит, влияющих на когнитивные и коммуникативные процессы. Установлено, что телекоммуникационные технологии наиболее адекватны психическому состоянию обучающегося в экстремальных условиях и эффективны в реализации педагогических задач. Определена коррекционная роль обучения, основанного на телекоммуникационных технологиях.

Проблема борьбы с криминализацией общества остается одной из насущных и в XXI в. В числе важнейших среди всех социальных институтов, которые предпринимают усилия для борьбы с этим злом, должен быть назван институт образования. Современная гуманитарная академия с 1999 г. реализует уникальный проект, заключающийся в получении осужденными высшего образования на базе телекоммуникационных образовательных технологий. Идеи инновационного проекта и механизм его реализации изложены в ряде работ [1, 4]. На протяжении всего времени реализации проекта проводились психолого-педагогические исследования и социально-психологический мониторинг обучения в пенитенциарной системе [2–4]. Одна из значительных и наименее изученных проблем обучения в пенитенциарной системе – исследование психологической среды и состояния обучающихся в экстремальных условиях.